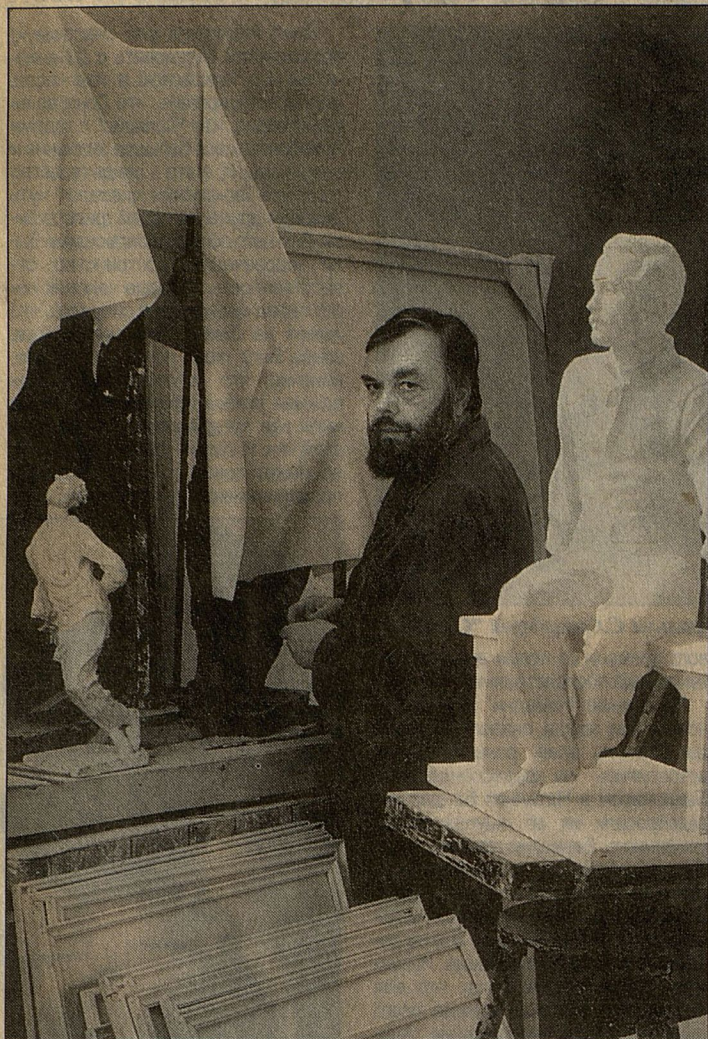

Культура. — 2008. — 6-12 февр. — с. 8

Ему помогало небо

Выставка Олега и Ильи Комовых в Академии художеств

О. Комов в своей мастерской

До открытия памятника Пушкину в Твери оставалось не более часа, а праздничная толпа, загрудившая небольшую площадку у волжской набережной в городском саду, с тревогой поглядывала на небо. Чистое прозрачно-голубое с утра, оно как-то неестественно быстро заволакивалось мрачными брехатыми тучами. И уже тянуло свежим ветерком от воды, и где-то за рекой басовито ворчал.

Торжество, которого так ждали тверяки, рисковало быть испорченным первой летней грозой.

Но за несколько минут до того, как к микрофону подошел самый большой городской начальник, тучи вдруг стали исчезать, словно их буксировал кто-то невидимый, небо очистилось, снова засверкало солнце, и в его лучах явился людям бронзовый Пушкин, которому было уготовано навсегда остаться здесь, на "гордых волжских берегах"...

Я сказал тогда Олегу Комову, который был главным виновником торжества, ибо это он в невероятных ухищрениях, муках и тяжбах (памятник не был официально разрешен) привел сюда странствовавшего между двумя столицами поэта:

— Вам помогает само небо, — сказал я.

Он улыбнулся в тогда еще черные усы и ответил:

— Скорее — ему, — и кивнул в сторону только что открытого монумента, который чуть ли не по самый цилиндр был засыпан цветами.

Я вспомнил этот почти тридцатилетней давности эпизод здесь, в залах Академии художеств, на выставке народного художника России Олега Константиновича Комова и его старшего сына Ильи.

Да, Комову помогало небо. Потому что истинный талант — от Бога. Потому что без этой помощи вообще невозможно настоящее искусство, являющее собой, по словам Пушкина, "священную жертву", без нее непредставим истинный художник. И все-таки главным двигателем могучего "механизма" был он сам, его высокий и светлый, поистине божественный дар, его одержимость искусством, какой-то неукротимо-яростный интерес к жизни, к своей стране, своему народу, его прошлому — трагическому и великому, его настоящему, в которое он, Олег Комов, верил. Ибо без такой веры как работать? Как жить?

Знаю это не понаслышке и говорю не по обязанности помянуть добрым словом. Более четверти века связывали меня с Комовым дружеские и творческие отношения, особенно в том, что касалось его уникальной, неповторимой Пушкинианы, о чем я

этом я убежден. Потому что звания, награды, регалии — хоть они и являются знаком признания, а недавно говорили в таких случаях — всенародного признания, оценкой вполне заслуженной, сами по себе ничего не стоят, если за ними нет человека. А человек прежде всего и ярче всего проявляется в общении с людьми, а не с мрамором, красками или нотными знаками...

Ну что еще можно добавить к тому, что уже сказано об Олеге Комове? О нем написаны книги, сняты фильмы. Время, прошедшее со дня его безвременного ухода, лишь подтвердило правоту высоких этих оценок и истинный масштаб художника. Однако вот что важно. Муки творца умирают вместе с ним, а творения остаются. Они живут своей собственной жизнью, которую дает им все то, что вложил в них автор. Это остро ощущаешь в залах академии. Здесь вновь удивляешься тому, как в этом человеке естественно и органично сочетались тонкий лирик, что вообще редко удается скульптуре, и истинный монументалист, который видел величие памятника не в его величине, чем дерзко нарушал каноны и установления. Тут невольно вспоминаются слова одного из уважаемых наших искусствоведов Никиты Воронова, написавшего о Комове хорошую книгу. Вот несколько слов из нее, подтверждающих сказанное выше:

"Памятники..., созданные скульптором Олегом Константиновичем Комовым, необычны, интересны по композиции и правдивы. Их отличают какая-то особая человечность, лиризм, глубина содержания".

Думаю, эти слова мог бы подтвердить каждый москвич, видевший комовских Рублева и Суворова, Рахманинова и Блока... Согласились бы с ними и тверяки, на земле которых поставил он памятники Пушкину, Венецианову, Салтыкову-Шедрину, Репину. А ведь есть еще Долна и Мадрид, где стоит, опершись о колонну, юный поэт, Чайковский в Воткинске, Дмитрий Донской на Куликовом поле...

Зал, в котором дана своеобразная фоторетроспектива монументальных работ О. Комова, — пролог ко всей прекрасно сконструированной экспозиции, собранной стараниями жены, друга, соавтора Олега Константиновича, на чей вкус и опыт как архитектора полагался он всегда.

Талант Нины Комовой проявился здесь в том, что разные по стилю, сюжетам, материалам, времени создания работы не спорят друг с другом, а дополняют и оттеняют уже виденное прежде и хорошо знакомое по выставкам, музеям, галереям, репродукциям. Это единая по сюжету, гармонично выстроенная, сложная и вместе с тем открытая структура.

Здесь, в этих просторных залах, где обитают великие тени, еще раз поражаешься тому, какой же прекрасный художник, какой умный и цельный человек, истинный, а не показной патриот создал эту колоссальную коллекцию образов, характеров, психологически острых, убедительных, ярко отразивших свое время, радости и горести. Его пластика безупречна, его бронза, гранит, мрамор теплы, словно в них пульсирует живая кровь. От иных из них замирает сердце, и кажется, что это ты — мальчик в лежащей у ног собакой и что впереди у тебя еще вся жизнь, полная радости и удивительных открытий, а не сникерсов и пепси-колы.

Все это мощно и естественно дополняется прекрасными графическими листами. Комов-рисовальщик — мастер высокого класса. Он здесь так же точен, глубокий, интересен и ярок, как и в главном своем материале.

Вот такой он — Олег Константинович Комов. Прежний. Хорошо знакомый. И новый. Вновь увиденный и почувствованный.

Спасибо, академия!

Спасибо и за то, что соединила собой двух художников — отца и сына. Соединила очень естественно и деликатно, показав, что на могучем стволе есть живая ветка с зелеными листьями и зрелыми плодами. Они, эти плоды, совсем не похожи на то, что делал сам Олег Комов. И слава Богу! Сын взял от отца главное — умение и желание быть самим собой. А потому живопись его, представленная главным образом фрагментом портретной галереи, если процитировать каталог Ильи Комова, "есть выражение русской традиции психологического портрета пластическим языком открытого цвета и формы".

Согласившись с этим определением, я бы все же уточнил: портреты Ильи Комова есть не только выраже-

И. Комов. "Туба". 2002 г.

ние, но и продолжение, развитие этой самой, на мой взгляд, весьма плодотворной в нашем изобразительном искусстве традиции.

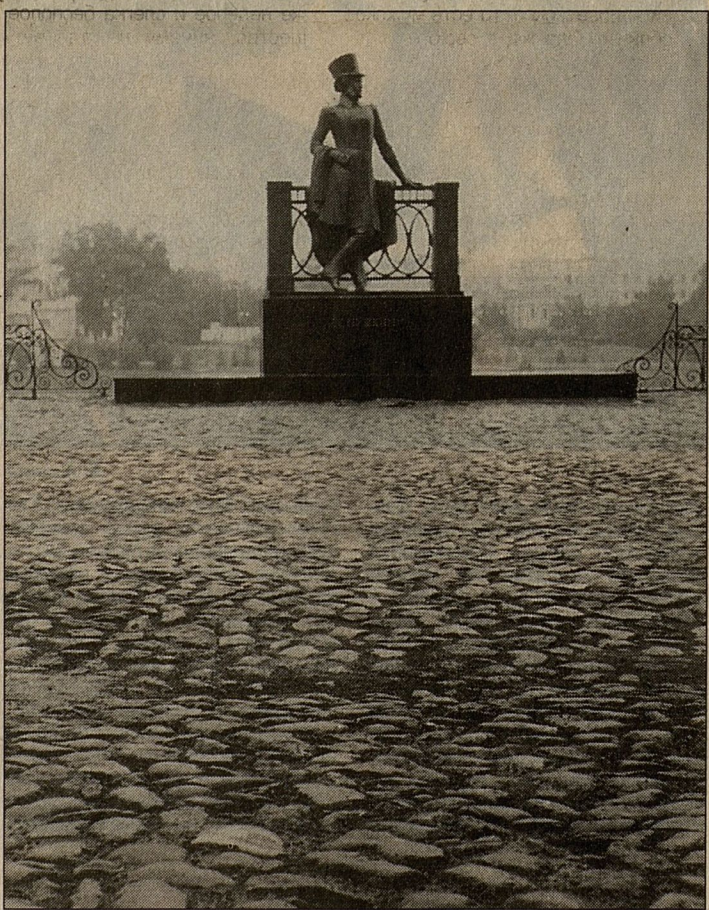
Даже не зная, что автор этих ярких, экспрессивных, темпераментных портретов лауреат конкурса "Золотая кисть", дипломант Академии художеств, участник тридцати групповых и двенадцати персональных выставок, так вот, даже не зная всего этого, видишь перед собой зрелого мастера, торящего свою тропу в искусстве с искренним уважением к его традициям.

Словом, не только генетическое родство объединило двух этих художников в залах академии, но и родство духовное. И этот двойной портрет впечатляет.

Один хороший ленинградский поэт сказал когда-то в назидание всем нам: "О человеке надо говорить, пока он слышит".

Увы, мы так и не постигли такой простой истины. В крови у нас что ли это: "Он был..." И уж тут — без удержу до самых невероятных эпитетов. Нет бы хоть половину всего этого сказать при жизни...

Олег Комов был, есть и останется навсегда одним из выдающихся монументалистов XX столетия. И не только потому, что он создал около сорока памятников. Для того чтобы остаться в благодарной памяти России, ему хватило бы и одного. Потому что он был из тех, кому помогает небо.

О. Комов. Памятник А.С. Пушкину в Твери